

Новая газ. - 2002 - 1 сент. - с. 20-21.

▲ Кинокартина
«Кандагар»
Мохсена
Махмальбафа
на экранах
Москвы

Биография Мохсена МАХМАЛЬБАФА, классика иранского кино, не менее ярка, чем его ленты. В семнадцать лет борца против шахского режима посадили в тюрьму за нападение на полицейский участок. С этим изломом судьбы Мохсен смирился лишь в 1996 году, воскресив роковой эпизод в автобиографическом «Миге невинности», самом пронзительном и, по мнению критиков, лучшим своем фильме. А тогда через пять лет его освободила революция, и бывший бунтарь начал писать романы, сочинять театральные сценарии и снимать кино.

Его фильмы запрещают на родине и награждают в Европе. В его случае взгляд через камеру — не только интроспекция, но и семейный бизнес. Снимает кино жена Марзи-ех Мешкини, снимают дочери Самира и Хана, а сын Майсам смотрит на все это со стороны — через объектив. Все

Мохсен
Махмальбаф

ФИЛЬМ, ПЕШКОМ

▲ Мастера
Ренессанса или
пешком через всю
Тоскану, чтобы
приготовить душу к
работе над фреской
в горном
монастыре.
Иранский
киноклассик прошел
по разоренному
Афганистану, чтобы
снять свой фильм.
За 500 лет души
художников не так
уж и изменились

Местом действия и главной темой «Кандагара» выбран Афганистан, словно режиссер обосновывает право несчастливой страны вновь занять свое место на культурной карте мира и создает «кинопутеводитель» по горячей точке XXI века. У канадской журналистки Нафас есть всего два дня, чтобы нелегально добраться до Кандагара и спасти свою сестру, которая намерена совершить самоубийство в момент солнечного затмения. Девушка совершает героическое роуд-муви по пыльным деревенским дорогам. Все разорено войной. Проходя через селения и пустыню, мечеть и пункт Красного Креста, кладбище и свадебную процессию, Нафас обретает разных проводников, но полностью дове-

рнуться она может только включенному диктофону, спрятанному под паранджой.

Но «Кандагар» отличается от репортажной стилистики боснийского фильма «Ничья земля». Нафас — здесь не охотница за сенсацией, а человек, ведомый кровной болью за сестру, которой когда-то оторвало ногу на mine. И все слова на кассете интимны — они обращены к ближнему, а не к абстрактной аудитории. Путь Нафас — эпически длинный и сквозной: жертвует саспенсом, Махмальбаф ставляет «белого человека» рассмотреть Талибан изнутри.

Внутри есть и музыка с песнями, и яркие свадебные одежды, и звенящие браслеты на женских запястьях, но взрывы громче, вспышки огня ярче, лязганье затворов привычнее человеческим рукам.

Новая газ. - 2002 - 6 сент. - с. 20-21.

вместе они называются продюсерской компанией «Махмальбаф фильм хаус». В семье принято продавать недвижимость ради того, чтобы доснять ленту.

«Кандагар» — последняя картина главы семейства. Снятый в полудокументальном стиле фильм взяли в каннский конкурс и наградили «Призом экуменического жюри». В том же 2001 году Петр Шепотинник показал его в своей программе на Московском кинофестивале, но в широкий прокат «Кандагар» выходит только сейчас, после двух других фильмов Махмальбафа — «Мига невинности» и «Таббех».

Зритель будет безуспешно ждать экзотической съемки и любования Востоком: фильм претендует на вырезанный фрагмент реальности, и единственная сюжетная ниточка тоже выдернута из живой ткани жизни: однажды к Мохсену пришла молодая афганка, спасающаяся в Канаде. Она собиралась в Кандагар, чтобы помешать отчаявшейся от жизни подруге наложить на себя руки, и звала режиссера с собой. Он отказался, но стал читать тысячи официальных бумаг об экономике и политике страны. А потом незаконно перешел границу и увидел дикий мир, «находящийся в совершенно другом времени, чем наше, в котором иногда иносказательная сказочность подчеркивает грусть окружающей реальности»

СНЯТЫЙ

«Сладкая жизнь» Феллини: прифронтовой ремейк-2002

Мальчики в паническом ужасе читают нараспев Коран, повторяют за муллой определение автомата Калашникова и зубрят: «Сабля — холодное оружие, данное нам Аллахом». Но когда Хака выгоняют из школы, он готов петь за деньги, обобрать скелет, обмануть Нафас и бросить ее в пустыню, только бы выклянчить денег. Человек, согласившийся выдать журналистку за одну из своих жен, пугается и бросает ее на подороге. Правды здесь нет, как не бывает абсолютного зла или добра, возможно только отчуждение с послевкусием жалости.

О Пазолини и Феллини напоминает сюрреалистическая и страшная сцена в пункте Красного Креста. В небесной лазури на парашютах летят протезы, не отличимые от че-

ловеческих ног, а за ними по пустыне, словно птицы с переломанными крыльями, скачут на костылях одноногие калеки. Здоровый мужчина выпрашивает у врачей пару «запасных» ног: надеется продать протез. Другая гротесковая (и оттого еще более реальная) фигура — маскирующийся под талиба негр-врач с приклеенной бородой, который ищет в Афганистане Бога и осматривает больных через маленькое отверстие в занавеске. Почти так же мы смотрим на странный исламский мир через фильм Махмальбафа.

Афганское имя Нафас означает «дыхание», а в традиционной женской хламиде — платье-«бурке» и глухой парандже не может быть легкого дыхания. «Когда вы смотрите на одетых в «бурки» женщин, они находятся в состоянии эстетической гармонии с окружающей их деревенской средой, но внутри, под каждой «буркой», мы видим, как они задыхаются. Так как женщины не могут показать красоту своего лица и тела, они украшают свою одежду», — говорит режиссер. На самом-то деле паранджа — не забавная эротическая игра с лицом, лицом и личиной, а непреодолимая стена безличия и отчуждения. Нежелание Нафас походить на гаремных женщин далеко от феминистских деклараций Катрин Брейя. Через свою героиню Махмальбаф развенчивает «священную корову» якобы самобытной закрытой культуры, где в начале XXI века пытались обратить цивилизацию вспять и отнять у народа память: разрушали статуи Будды, жгли библиотеку в Катуте, закрывали школы для девочек, запрещали фотографировать и рисовать... Но художник далек от обличительного пафоса. ...Сквозь сеточку для глаз в парандже, так похожую на тюремную решетку, наши глаза слепит солнце — и фильм гаснет солнечным затмением.

● Наталия
САВОСЬКИНА